

ДЕНЬ СО ВКУСОМ ПРЯНОЙ ВИШНИ

В Мунриджке живут вампиры. С этим мы определились. Живут они с одна тысяча... сложно сказать какого года. А еще в уютном тихом городке среди холмов не случилось убийств вот уже семнадцать лет. Для местных это повод для гордости: здесь настолько безопасно, что двери можно не запирать. Но там, где долго не происходит ничего волнующего, всегда начинают бродить байки. И одна из таких крепко засела в умах людей.

Откуда же взялись вампиры?

Раньше все удобно объясняла «лакийская теория». Удобно, но в корне неверно. Согласно легенде, в древние времена существовала Ламия — царица, чудовище, женщина, имя которой пронеслось сквозь века. Ей приписывали происхождение «сумеречного фенотипа», считая ее его первой носительницей и, следовательно, прародительницей всех вампиров.

Наука, к счастью, прислушивается не к слухам, блуждающим от калитки к калитке, а к фактам. Однако даже старые суеверия способны плотно застрять в умах людей. Первые статьи о вампиризме писали мужчины, и они сочли остроумным назвать этот фенотип — *а потом и ген* — в честь Ламии. С намеком на времена,

когда люди верили, что в появлении детей-вампиров виноваты исключительно матери. Позже, конечно, ученые разобрались, что к чему, но название прижилось — как дурацкое прозвище, которое вроде и не к лицу, а все привыкли.

В реальности причина мутации кроется в редком гене «Лами», который активируется только в мужском организме. Поэтому девочки могут скрыто носить этот ген, даже не подозревая о нем. А еще передавать мутацию дальше, как патрон, который не выстрелит без оружия.

Наследуется «Лами» от обоих родителей: если мама — носитель, а папа — вампир, то в среднем один ребенок из тысячи получает обе копии гена. Не путайте с ламами и лучше не набирайте в поисковике «древнегреческая царица Ламия»: сон после такого чтения обещает быть беспокойным.

А вот и главное разочарование для любителей страшилок: реальность куда скромнее. Удлиненные клыки у вампиров действительно есть. Только заметит их разве что стоматолог или особо наблюдательный фанат.

Давным-давно их зубы и правда выглядели точь-в-точь как на жутких кинопостерах, но за тысячи лет эволюция расставила все по местам. Все-таки, если изо рта торчат две вязальные спицы, далеко с таким набором признаков не сбежишь. Поэтому ученые сходятся во мнении, что вампиры существовали задолго до появления античных легенд.

Если верить греческим мифам, «сумеречному фенотипу» всего три тысячи лет, но давайте будем честны: для эволюции это время обеденного перерыва. Вы не можете отрастить клыки и перестроить метаболизм по взмаху волшебной палочки.

На самом деле ген «Лами» древний, как сам мир. Скорее всего, он закрепился еще в эпоху, когда наши предки делили пещеры с медведями, а клыки — это тот рудимент, который медленно уходил в десну на протяжении последних сорока тысяч лет. Однако, вопреки научной логике, Ламия по-прежнему остается символом вампиризма. Ничего удивительного — слухи прилипчивы, как сырое тесто. И все же вернемся к стереотипам...

У части вампиров встречается чувствительность к аллицину (тому чесночному пахучему соединению), поэтому иногда он вызывает покраснение глаз и першение в горле. Впрочем, кому вообще понравится, если на него дыхнут чесноком?

С колями все еще проще. Да, если всадить осиновый кол вампиру в грудь — он умрет. Проверено опытным путем. Правда, тут есть нюанс, о котором редко упоминают в брошюрах для встревоженных граждан: если всадить осиновый кол в грудь любого человека, результат будет тем же.

С ультрафиолетом похожая история: темные очки, солнцезащитный крем, прогулка по тенистой стороне улицы — и жить можно. К великому разочарованию обывателей, вампиры не превращаются в летучих мышей и не спят в склепах. А еще они едят человеческую пищу. Одним словом: *ску-ка*.

Где скукой и не пахнет, так это у здания школы Мунриджа. Перед полицейской лентой собрались обеспокоенные жители города. Сквозь толпу пытаются протиснуться корреспондентка, Вездесущая Мисти, и оператор «Вестника». Мисти использует микрофон как штык, а папку — в качестве щита. Шаг за шагом

Мисти пробирается к возвышению у памятника жене основателя города.

Мраморная женщина смотрит поверх школьных крыш на холмы, прижимая к груди стопку книг. В другой руке — фонарь, поднятый над головой, словно он освещает путь тем, кто идет за ней следом. На лбу памятника проступает свежий знак антивампов — перечеркнутые клыки, выведенные по трафарету из баллончика. Метку стирают, но она неизменно возвращается.

Этот монумент — часть ДНК Мунриджа. Город возник в начале восемнадцатого века. Земли принадлежали старому роду, и его единственная наследница, Элеонор Хартвик, сочла туманные холмы подходящим местом для жизни — убежищем для тех, кому больше некуда было идти.

Формально делами поселения заведовал ее муж — в прошлом сельский врач. Но именно Элеонор умела говорить с людьми на равных. В ней видели свет. И до сих пор, если в пабе местные назовут ее истинной основательницей, наплевав на официальные бумаги, с ними лучше не спорить: такие дискуссии в Мунридже затягиваются до рассвета.

Пока Пеппер прислушивается к разговорам в толпе, к ней подходит Кит. Он потирает бедро, шурша дождевиком, и вертит на шее свисток, как пропуск на территорию школы, которого у нее никогда не будет.

— Разузнаю, что там случилось, а ты, — Кит грозит ей пальцем, — не вздумай лезть в окно.

Пеппер закатывает глаза.

Окно? И за кого он ее принимает?

Кит пытается обойти людей по краю, но его оттесняют к памятнику. Одно громогласное и волшебное

«Разойдитесь!» — и толпа расступается перед ним, следуя команде. Даже бобби* его не останавливают. Мисти радостно тянет к Киту микрофон, но он проходит мимо, проигнорировав ее.

«Да, бросать капитана футбольной команды, узнав о его травме, — думает про себя Пеппер, — плохая затея, Мисти».

Мисти из тех девушек, которые идут по головам. И если для статуса нужна рыбка покрупнее, то она ее обязательно выловит — мир не подаст тебе удочку. Для нее люди — не более чем ключи от нужных дверей. Только Пеппер всегда казалось, что это несправедливо упрощает картину.

Поразительно: пока Пеппер стеснялась поднять в классе руку, Мисти отвечала, гордо вздернув подбородок. Эта смелость всегда впечатляла, как и умение сделать шаг вперед в тот момент, когда остальные колеблются.

В старшей школе Мисти написала эссе — «Как страх общества влияет на ход расследования». Она разобрала все промахи следствия семнадцатилетней давности и подчеркнула давление, оказанное на прессу. Зачитала эссе публично, не скрывая, что дело вел ее отец.

Наверное, тогда Пеппер и зауважала Мисти Уинтерс. Правда, Мисти ее недолюбливает. Началось это,

* Бобби — неформальное прозвище полицейских в Великобритании. В тихом Мунридже дел у них обычно немного. Эзра однажды подсчитал, что за прошлый год они спасли с крыш трех котов и одного очень упрямого енота, который, впрочем, об этом совершенно не просил. Остальное их рабочее время уходит на поиски потерянных очков миссис Ханиуэлл или разборки надоедливых антивампов.

когда Ронни «Килт-по-праздникам» Маккалистер пригласил Пеппер на свидание. Мисти он приглянулся — он или его родители, владеющие сетью типографий, включая типографию «Вестника». История умалчивает.

Впрочем, неважно. Свидание закончилось слюнявой попыткой Ронни поцеловать ее, а когда Пеппер улизнула — его хрупкое эго не выдержало. Разрушилось настолько, что он не нашел ничего лучше, чем распустить о ней грязные слухи. К счастью, в них мало кто поверил, и вскоре все переключились на обсуждение новых сплетен.

— Мистер Хукер! — рокот голосов наполняет улицу.

Пеппер поднимает голову и видит, как на крыльцо выходит широкоплечий директор, которого все в округе зовут Хуком. За его коронный удар левой.

Хук работает в школе уже пятый год. Раньше он был звездой ринга. Теперь слеп на один глаз, а темно-оливковое лицо напоминает помятую после сна подушку. Дети его любят — за доброе сердце и за долгие душевные разговоры, после которых даже отъявленный хулиган встает на путь исправления.

Ноа Синклера это не касается. Ноа Синклер стоит под деревом, наблюдая за хаосом издалека, как за чем-то естественным. Ноа Синклер упрям настолько, что даже Хук не может вытрясти из него дурь. И Пеппер совсем непонятно, как это под силу ее книжному клубу по пятницам.

В памяти всплывает статья из «Вестника», которая еще долго будоражила город. Она об отце Ноа. Для местных он стал легендой иного толка — мастером угона. Профессиональный вор, который крал машины в соседних графствах и разбирал на запчасти. А однажды

в сердцах цапнул местного фермера, с которым повздорил. За свои прегрешения он получил срок и вышел досрочно, но город навсегда закрыл перед ним свои двери.

— Дамы и господа. — Хук прокашливается, и галдеж прекращается. — Я понимаю, что новость о пропаже подростков всполошила нас...

— Всполошила? — возмущенно выкрикивает мистер Грабб, потрясая в воздухе зажатой в руке кепкой. — Да мы все прекрасно знаем, чьих это клыков дело! Сперва мои овцы, а теперь наши дети!

— И очень подозрительно, что этот звездный мальчишка Кэллоуэй приполз обратно в город как раз накануне их исчезновения! — визгливо поддакивает женский голос из средних рядов. — Совпадение ли?

Толпа одобрительно гудит, и над головами внезапно взмывает кусок картона, на котором маркером, будто наспех, нарисован перечеркнутый символ антивампов. Вездесущая Мисти тут же оживляется. Почуяв запах скандала, она небрежно щелкает пальцами, отдавая безмолвный приказ своему оператору, и тяжелый объектив камеры наезжает на протестующих с плакатом, жадно фиксируя зарождающуюся истерию.

Пеппер устало выдыхает и закатывает глаза.

— Тихо! А ну, тихо! — рявкает Хук, прерывая балаган.

Толпа вновь пытается подать голос, точно непослушный пес, но Хук сжимает руку в кулак, заставляя всех замолчать — не угрожающе, но властно. Когда волна шепота стихает, Хук продолжает:

— Знаю, все встревожены, как и я. Предлагаю вам без паники и суеты пройти в школу, как только доблестные сотрудники правопорядка сделают свою работу. — Он указывает себе за спину. — Там мы распределим

волонтеров по группам. Одни будут прочесывать город, а другие — обзванивать соседей и учреждения. Работы много. Работа найдется для всех, кроме...

Хук обводит толпу взглядом и цепляет первую жертву:

— Кроме Ноа Синклера. У тебя выговор, приятель. Иди домой!

Ноа фыркает, надевает наушники и демонстративно уходит в направлении пристани, напоследок пнув кучку опавших листьев. На минуточку, караван-парк совсем в другой стороне...

Хук громко хохочет, будто нашел клад, и Пеппер понимает: это по ее душу.

— Мисс Харт! — проносится его громогласный голос поверх голов. — Вашему любопытству вход в школу тоже закрыт. Полиция уж как-нибудь без вас да справится.

Пеппер открывает рот, чтобы возразить, но директор уже грозит Мисти:

— И никаких журналюг. Кыш!

Мисти раздраженно кивает оператору, и он опускает камеру.

За спиной Пеппер слышатся шаркающие шаги.

— Если оцепили территорию, — Роуэн останавливается рядом, — значит, дело серьезное.

— Говоришь так, будто это уже место преступления. — Пеппер вытягивает шею, высматривая, как ей лучше пробраться и остаться незамеченной. — Андервудов найдут. Видимо, задержались в кинотеатре или потеряли счет времени, пока гуляли в парке.

— И потому ты так стремишься проникнуть в школу? — усмехается Роуэн. — Хочешь убедиться, что нет состава преступления?

Мимо проходит обеспокоенная пожилая пара. Они косятся на Роуэна, перешептываясь, и Пеппер шипит, дергая его за рукав:

— Ш-ш-ш! Всех перепугаешь. Я всего лишь хочу написать статью для газеты. У нас за последние пару лет пропадали разве что садовые гномы и... — Она оглядывает его с ног до головы. — И случались особо опасные вспышки фанатизма по одной суперзвезде.

Роуэн мрачнеет, и Пеппер теряется. Впрочем, уже через секунду он пускает в ход обаяние, подталкивая ее вперед.

— Пошли. Знаю один путь.

— С чего ты взял, что мне *настолько* интересно?

— Когда пришло сообщение о пропаже, на твоём лице заиграла *та самая* улыбка.

— «Та самая»?

— Да, *та самая*: «Я докопаюсь до правды, чего бы мне это ни стоило».

— Соглашусь с ним, подруга. — Рут возникает из ниоткуда и загибает пальцы: — Ты делаешь такое выражение только в двух случаях: или почуяв свежую сплетню, или закрыв список ежедневных дел на все сто.

Роуэн подзывает Пеппер взмахом руки:

— Я ведь могу и передумать, Перчик. Чего встала?

Он уходит вперед, и Пеппер без раздумий — *а подумав бы следовало* — топает за ним, поджав губы. Обернувшись, она машет Рут:

— Созвонимся перед сном?

Рут показывает большие пальцы вверх:

— Брошу клич в соцсетях. Вдруг поможет.

Пеппер кивает и следует за Роуэном сквозь толпу, представляя, как заголовок ее статьи будет красоваться

на первой полосе. В «Вестнике Мунриджа» она подрабатывает еще со школы. Увы, пока похвастаться ей нечем. Ее работы скромно оседают на последних страницах, которые почти никто не дочитывает, сразу перелистывая к сканворду.

Сколько бы усилий она ни прикладывала, Бо — бесменный глава редакции — лишь хмуро сводит брови и, натянуто улыбаясь, убирает ее черновики в стол со словами: «Посмотрю на досуге, Харт». Кажется, они по сей день пылятся там среди отживших скрепок и просроченных счетов. Иначе как объяснить, что ящик открывается с таким трудом? Очевидно, в нем умирают буквы.

Пеппер достается безопасная работа: редактировать чужие объявления и писать тексты, которые никто не воспринимает всерьез. Как посадить тыкву в октябре. Десять рецептов для сохранения молодости. Дерзкое похищение тачки с удобрением. Пряный латте в домашних условиях и бла-бла-бла. Такие статьи не вызывают эмоций, потому что изначально не претендуют на серьезную реакцию.

Но этой осенью Пеппер твердо решила, что хочет заниматься журналистикой *по-настоящему*, а не прятаться между объявлениями о продаже семян и гаражных баракхолках. Уже больше месяца она корпит над резюме: вычеркивает лишнее и снова возвращает. Руки дрожат от одной мысли о хрупком будущем. Ведь если она все-таки отправит письмо, пути назад может и не быть.

В голове, как назло, всплывает тот день, когда Пеппер решила зайти в редакцию, уверенная: ее талант ладить с людьми — билет в большую прессу. Бо долго

молчал, листая свежие наброски ее статей. *Слишком долго.* Пеппер успела мысленно разобрать и собрать принтер в углу, трижды сменить пароль от почты и сто раз пожалеть о своем решении.

— Пеппер, — наконец сказал Бо, устало вздыхая. — Мне правда жаль.

Она тогда выпрямилась, чувствуя, как немеют пальцы.

— Жаль?

Бо мялся, явно стараясь сгладить углы, но в итоге произнес то, что Пеппер меньше всего ожидала услышать:

— Твои тексты... Они *беззубые*.

Слово упало на стол, как корка лимона в чашку с чаем, мгновенно наполнив все вокруг горьким послевкусием.

— Ты все время пишешь так, будто боишься, что тебя услышат. А журналистика — это риск. В твоих словах нет остроты. Даже описывая разбитый сервис, ты не называешь имен, а прячешься за формулировками вроде «некоторые жители полагают».

Бо убрал распечатки в стол и захлопнул ящик.

— Ты так отчаянно пытаешься никого не задеть, что твоя правда превращается в безвкусную овсянку на воде. Нельзя написать сенсацию, если твоя главная цель — остаться для всех удобной.

«Удобной». С того разговора в редакции это описание прилипло к ней, как жвачка к подошве, мешающая сделать шаг. Пеппер не до конца понимает, *что именно* имел в виду Бо. Должна ли она начать хамить постоянным клиентам в кофейне или писать статьи капсом, брызжа ядом в каждой строке? Или взбунтоваться и заменить все длинные тире на огрызки прямо перед

печатью? Вряд ли. Но одно Пеппер Харт понимает отчетливо: быть «удобной» она больше не хочет.

Она расправляет плечи и, пока очередь в школу перешептывается, успешно проскальзывает мимо, не привлекая лишнего внимания. Из роя разговоров она успевает вырвать обрывки фраз:

— А ведь бедняжек мог поймать обезумевший фанат их матери!

— Что, если их похитили пришельцы?

— Брось, Глэдис, для них сегодня слишком облачно...

Логану и Бэрри Андервудам, сыновьям писательницы Мэйбл Андервуд, по четырнадцать лет. Они регулярно приходят в «Клыки & Вафли», чтобы посидеть над учебниками или позависать в телефонах, всегда говорят «спасибо» и вовремя сдают книги в городскую библиотеку. И их пропажа не дает Пеппер покоя. Вцепившись в ремешок сумки-портфеля, она выглядывает из-за угла вместе с Роуэном, изучая обстановку на заднем дворе.

— Чисто. — Он прикладывает два пальца к уху, разыгрывая из себя шпиона.

— Ты как ребенок. — Пеппер проходит мимо, важно задрав подбородок.

Роуэн поспешно нагоняет ее.

— Да брось. Просто пытаюсь снять напряжение.

— Тогда тут не обойтись без резисторов. — Пеппер хихикает своей искрометной шутке. Эзра бы непременно оценил, но Роуэн только косо смотрит на нее. — Закон Ома, Кэллоуэй. Физика.

На его губах появляется загадочная ухмылка.

— А ты ничуть не изменилась, Харт.

— Из твоих уст звучит как оскорбление, Кэллоуэй.

Они подходят к двери подсобки. Роуэн останавливается у кирпичной стены, густо заросшей плющом. Он уверенно запускает руку в хитросплетение стеблей и вытягивает из тайника круглую жестяную коробочку. Она проржавела по краям, а краска на крышке местами облупилась, но Пеппер сразу узнаёт знакомый логотип.

— Это что... Леденцы со вкусом пряной вишни?

Роуэн вертит жестянку, не глядя на Пеппер, но она видит, как он снова касается мочки уха.

— Ага. Лимитированная серия. Помнишь?

Пеппер помнит. И особенно то, как она простояла два часа в очереди торгового центра. На улице выл рождественский ветер, родители ругались в отделе декора, выбирая «правильную» гирлянду, а упрямая семилетняя Пеппер, сжав кулаки, ждала их у касс. Она знала, что Роуэн расстроился, когда леденцы раскупили. В тот день каток пришлось отменить, но воспоминания о радостном лице Роуэна до сих пор согревают.

— Думала, что ты ее выбросил, — говорит Пеппер, чувствуя, как внутри болезненно екает.

— В ней удобно хранить всякий хлам, Харт. — Роуэн надевает привычную маску безразличия и открывает крышку жестянки. — Скажем, ключ.

Внутри действительно лежит ключ, а под ним — медиатор. Роуэн вытряхивает содержимое на ладонь и прячет коробочку обратно в тайник, задвигая заросли. Медиатор убирает в карман.

— Вуаля, Перчик! — Он демонстрирует ключ.

— И часто ты нарушаешь закон? — Пеппер старается вернуть голосу непринужденность, но взгляд то и дело

возвращается к плющу, за которым спрятано их общее прошлое.

— Со времен сбора группы. Мы пробирались сюда по ночам, чтобы порепетировать в актовом зале. — При воспоминаниях о бывших друзьях Роуэн сникает. — Беззаботное время.

Пеппер волей-неволей слышана про так называемых «друзей»: барабанщик кинул его на крупную сумму денег и свалил в закат. Бас-гитарист заключил контракт с музыкальным лейблом, присвоив себе часть песен. А клавишник слил их переписку, чтобы продвигаться вверх по рейтинговой таблице в музыкальном шоу, где они участвовали, к слову, вдвоем. Как бы Пеппер ни относилась к занозе Кэллоуэю, она искренне ему сочувствует.

— Не смотри ты так. — Роуэн оттягивает ей щеку, как в детстве, и от неожиданности она отшатывается. — Я заслужил. Так что...

Роуэн взъерошивает непослушные волосы на затылке, улыбаясь как полный придурок, и Пеппер теряется. Ей не часто везет на людей, которые открыто признают свои ошибки, и тем более на тех, кто не принимает защитную позу. *Кто этот парень?* Она задирает голову к небу, затянутому облаками. *Нет, совершенно точно его подменили пришельцы, но когда?*

Главное, что Кит ошибся на ее счет: *смотри-ка, Меррик, я вхожу не через окно, поэтому технически ничего не нарушаю. Или почти ничего.*

— А вот теперь мне страшно. — Роуэн отводит взгляд от ее пылающих азартом глаз, отпирает металлическую дверь и склоняется в галантном поклоне. — Прошу, миледи.

Пеппер нервно переступает с ноги на ногу, не решаясь зайти. Весь задор резко испаряется. Одно дело — уверенно строить из себя журналиста в песочнице, и совсем другое — играть по-настоящему. Внутри тревожно завывает сигнализация «хорошей девочки», и с губ слетает неуверенное:

— Если Хук нас поймает, нам конец.

— Брось. Куда исчез твой авантюризм? Порой ты такая... правильная. — Он говорит это без издевки, но его слова задевают ее.

— Вовсе нет! — Пеппер с вызовом скрещивает на груди руки. — Мысли вслух.

— Даже когда мы воровали яблоки в саду миссис Твиддл, — напоминает Роуэн, — ты вытирала их о футболку и бубнила: «Воровать плохо».

Пеппер обиженно надувает щеки.

— Это называется гигиена, Кэллоуэй.

— Это называется «ты не умеешь расслабляться», Харт.

— Ладно-ладно. — Она переступает порог и, без изыщества споткнувшись о выступ, с грохотом роняет ведро, швабру и садовый инвентарь.

Роуэн не сдерживает улыбки, но молчит, прикусив язык. Похоже, настал день икс, когда Пеппер Харт верит — *пускай и всего на секунду* — в существование НЛО или, на худой конец, в сбой во Вселенной. Ровно до момента, пока заноза Кэллоуэй не портит момент.

— Знаешь, я уж надеялся, ты научилась смотреть под ноги.

В ответ ему прилетает смачный тычок в ребра, вызывающий сдавленный смех.

Наивно верить, что гнусная жаба способна превратиться в принца. В лягушку — еще возможно. Хотя под силу ли это Кэллоуэю, вопрос открытый. Тем удивительнее осознавать, что раньше два столь разных человека могли находиться в одной комнате без желания откусить друг другу лицо.

Дружба между ними завязалась в начальной школе. Роуэн Кэллоуэй переехал с семьей на окраину города — в огромный стеклянный коттедж посреди леса, подальше от суеты. Да, это звучит как заявка на иск о плагиате от Стефани Майер, но на этом схожести заканчиваются. Честное слово!

Их матери однажды столкнулись в кафе — так завязалось теплое соседство. Обе были из маленького городка. Обе попытались уехать. Обе вернулись — не с поражением в багаже, а по велению сердца. И дружба их детей стала неизбежной...

В прошлом отец Роуэна вращался в высших кругах шоу-бизнеса, а мать блистала на сцене. С переездом в Мунридж слава померкла, но амбиции мистера Кэллоуэя никуда не делись. Не найдя выхода, они всей своей тяжестью легли на плечи сына. Проще говоря, давление обстоятельств с раннего детства подталкивало Роуэна к музыке.

Все в один голос твердили: «У него талант». Город с радостью закреплял эту идею: то бурными аплодисментами на ярмарках, то одобрительными похлопываниями по плечу всякий раз, когда Роуэн брал первое место в очередном песенном конкурсе. Пеппер знала: ее лучший друг — будущая суперзвезда. Он родился, чтобы сиять.

Она помнила, как после удачного спуска с ледяной горки он улыбался и махал родителям, будто все взгляды и правда устремлялись только на него. Как держал спину прямо, исполняя сольную партию в церковном хоре. Как замирал в удачной позе, стоило появиться камере — а камеры преследовали его по пятам...

Впрочем, Роуэн охотно тянулся к объективу. Полароид, купленный на его одиннадцатилетие, обещал дать их дружбе еще один шанс. Вместо этого все обернулось катастрофой. Но об этом — чуть позже. Вернемся к трещине, которая разрослась до непреодолимой пропасти.

Когда Пеппер исполнилось десять, дом затрясло: хлопали двери, билась посуда, а родители либо переходили на крик, либо шипели, точно рассерженные кобры. Ее имя в баталиях звучало чаще любого другого слова, превратившись в универсальное оружие:

«Оценки Пеппер хуже и хуже. Тебя это совсем не заботит?»; «На Пеппер снова жаловалась соседка. Поговори с дочерью — ее любопытство до добра не доведет»; «Ты опять забыла собрать Пеппер завтрак! И не смей винить меня!»

Пеппер. Пеппер. Пеппер.

Взрослые, когда ссорятся, редко говорят о том, что болит на самом деле. Если истина и проскальзывала между обвинениями, то в общем шуме ее было не услышать. Родители по-своему переживали за Пеппер, но в пылу войны они невольно превратили ее имя в мяч, который с ожесточением перекидывали друг другу, ища новый повод для ссоры.

Пеппер же решила — *по-детски наивно*, — что проблема кроется в ней. Поверила с той искренностью, с какой раньше строила замки из песка, — всерьез.

И пришла к пугающе простому выводу: если стать прилежной, то ссоры прекратятся.

Так началось ее маленькое, никем не объявленное дежурство.

Пеппер добровольно записывалась на дополнительные занятия, набирала больше кружков, чем могла унести в школьном рюкзаке, и сидела над домашними заданиями до упора. Для маленькой девочки она была педантично собранной, а взрослые одобрительно кивали.

«Какая активная», — восхищались учителя.

«Какая самостоятельная», — поддакивали знакомые.

Никому не приходило в голову, что за прилежностью стоял детский страх. Он, как монстр, каждую ночь прятался под кровать и выглядывал, стоило оступиться. Страх шептал Пеппер на ухо: «Старайся лучше, иначе наступит день, когда мама и папа разойдутся по комнатам, хлопнув дверьми, и больше не посмотрят друг на друга с любовью».

Вечерами Пеппер вслушивалась в звуки дома, и ей мерещилось нечто куда пострашнее чудовищ — грядущий развод. Она видела те семьи. Каждый раз родители говорят своим детям, что *ничего не изменится*, но *всегда меняется все*.

Когда назревал скандал, Пеппер пыталась построить убежище: она зарывалась в гору подушек, накрывалась тяжелым шерстяным одеялом и изо всех сил прижимала ладони к ушам, пока в голове не начинало звенеть. Но резкие голоса прошивали этот кокон острыми иглами, не оставляя ей ни единого шанса.

А однажды две дамы в церкви бросили — небрежно, между делом: «Счастье любит тишину. Незачем стирать

свое грязное белье на людях». Пеппер уже тогда не нужно было повторять дважды. Она четко уяснила: если выносить ссоры наружу — кто-то обязательно пострадает. Мама. Папа. Или она сама.

Поворотным моментом стал один на первый взгляд незначительный эпизод. Мама согласилась сопровождать класс Пеппер на школьную экскурсию. Ничего из того, что не делают другие родители. Но за день до отъезда мама виновато призналась, что придется попросить папу ее подменить. Важное интервью внезапно перенесли, и отказаться означало бы подвести всю команду.

— Папа расстроится, — тихо сказала мама, с тоской уставившись на входную дверь, которая вот-вот должна была распахнуться под тяжестью отцовской руки.

В ее словах не было манипуляций. Скорее глухая мольба, порожденная затяжной усталостью от бесконечных разборок. И Пеппер находчиво нашла выход: на следующий день притворилась больной — и от поездки пришлось отказаться.

Папа не расстроился — он был слишком занят заботой о «простуженной» дочери. Мама выдохнула с таким облегчением, будто с ее плеч наконец сняли груз. И тогда, лежа в полумраке комнаты, Пеппер осознала горькую истину: ее работа — стать невидимым клеем, без которого не собрать ни одну разбитую вазу. Проблема заключалась в том, что клей не живет своей жизнью. Он подстраивается под сколы, заполняет собой трещины и застывает в одной роли раз и навсегда.

С тех пор Пеппер втайне взяла на себя важную роль и справлялась с ней виртуозно: составляла для папы

подробные списки подарков, которые гарантированно бы вызвали у мамы улыбку; ненавязчиво напоминала маме о важных для отца мелочах; профессионально переводила с материнского на отцовский.

Тогда же они с Роуэном и начали отдаляться. Не сразу — постепенно. У него появились *новые* друзья, *новые* интересы, *новая* жизнь. Из угловатого мальчишки он вдруг превратился в объект всеобщего внимания половины девчонок в школе. Его стали *чаще* приглашать в компании популярных ребят, *чаще* звать на праздники и *чаще* выбирать — от лабораторных занятий в группе до выступлений в школьном театре.

Между ними не произошло громкой ссоры. Скорее залегла неловкая пауза, растянувшаяся на годы. Роуэн не ждал ее на крыльце после уроков. Не просил помочь с заданиями. Не оставлял записки в шкафчике. Он дал понять — без слов, но достаточно ясно: теперь она *где-то сбоку*.

Пеппер привыкла быть удобной, и когда она оказалась неудобна Роуэну, то молча приняла, что больше ему не нужна...

В тесной подсобке, где даже не горит свет, об удобстве можно забыть. Пеппер тянется к ручке, чтобы приоткрыть дверь в общий коридор, и неожиданно ладонь Роуэна накрывает ее руку. Пеппер вздрагивает, едва не вскрикнув, но Роуэн уже стоит за ее спиной.

— Подожди, — шепчет он ей в макушку. — Слышишь?

Пеппер не двигается, боясь даже вздохнуть. В голове всплывает воспоминание о рыцарях и бумажных коронах, но сейчас все по-другому. Сейчас она чувствует, как бешено колотится ее сердце.

За дверью в такт раздается размеренный стук каблуков. *Цок. Цок. Цок.* Звук приближается, затихает прямо напротив их укрытия, а затем медленно отдаляется, уходя в сторону административного блока.

Роуэн убирает руку, но Пеппер еще пару секунд не может пошевелиться.

— Почти попались, — выдыхает она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Секретарь, — говорит Роуэн. — У нее походка как у надзирателя. Везде узнаю. Идем, пока она не вернулась.

Дверь поддается с протяжным стоном. В ночной тишине скрежет кажется громче церковного колокола, но пути назад нет. Они продвигаются дальше, прислушиваясь к каждому шороху. Школа будто вывернута наизнанку: знакомые коридоры, которые днем залиты солнцем, превратились в лабиринт из теней и страха быть пойманными.

Впереди, в главном холле, горит дежурный свет. Пеппер уверенно делает шаг в рекреацию, но Роуэн хватается ее за запястье, утаскивая назад в темноту. В его взгляде отчетливо читается: «С ума сошла?»

Из приоткрытого кабинета директора доносится голос — Хук эмоционально спорит по телефону, обсуждая исчезновение подростков. Его стол находится прямо напротив двери, а сам Хук наверняка сидит вполоборота, разглядывая любимую коллекцию фарфоровых кошек.

Пеппер высвобождает руку и указывает пальцем на свой глаз.

— Он не увидит, — шепчет она. — Забыл?

До Роуэна доходит, и он кивает. Если двигаться быстро, то все получится. Так они проскальзывают мимо, вжимаясь в стену, и выдыхают, когда оказываются у металлических шкафчиков.

— Что ты ищешь? — Роуэн прислоняется рядом.

— Это мой старый шкафчик, а теперь Бэрри Андервуда.

— Ты знаешь код?

— Догадываюсь.

Пеппер прокручивает пальцами комбинацию на замке — все ту же дату основания Мунриджа, которую администрация ставит по умолчанию. Ученики редко меняют код, если не случается краж.

— Откуда такая уверенность? — Роуэн опасно озирается, услышав шаги вдалеке.

— Однажды Эзру наказали за инцидент в лаборатории, и мне пришлось проверять домашку младшеклассников всю неделю. У Бэрри одна тетрадь для всего.

— Тебе?

Пеппер с надеждой выбирает последнюю цифру.

— Взяла вину на себя. Мне все равно не хотелось возвращаться домой.

Замок щелкает, и Пеппер распахивает дверцу.

— К тому же раз Бэрри не стал избавляться от моих стикеров с котом Салемом, то вряд ли усложнил бы себе жизнь новой комбинацией цифр. Меньше хлопот — это про него.

Роуэн едва слышно хмыкает:

— Я впечатлен.

Внутри — типичный подростковый хаос. Пеппер быстро перебирает учебники и тетради. На дне шкафчика лежат грязные кеды, сложенные в прозрачный пакет, и садовые перчатки с лиловыми пятнами. Среди прочего они находят брошюру об экотропе — листовки раздавали так активно, что теперь жители города натыкаются на них повсюду, как на лут в игре. Пеппер отодвигает ее и брезгливо морщится, пытаясь отлепить от полки размытые чеки, намертво посаженные на старую жвачку.

Роуэн фотографирует каждую деталь, а Пеппер подсвечивает фонариком на телефоне.

— Снял?

— Да. Куда дальше?

— В столовую. — Она аккуратно закрывает дверцу. — Я видела полицейские фуражки.

Они проскальзывают по коридору, стараясь не шуметь. Каждый скрип под подошвами заставляет оборачиваться, а воображение то и дело рисует суровую фигуру директора Хука, вырастающую прямо из темноты.

Пара пролетов — и они на месте. В столовой горит свет. Яркое свечение флуоресцентных ламп напоминает безжалостные прожектора, готовые в любую секунду выхватить их из спасительной тени и выставить на показ. Роуэн толкает дверь, осторожно вглядываясь, и подзывает Пеппер. Она следует за ним, присев на корточки, и машинально вжимает голову в плечи.

— Сюда, — Пеппер указывает на автомат с батончиками.

Оба ныряют за укрытие. Автомат гудит и вибрирует, скрывая их сбившееся дыхание. Убедившись, что опасности нет, Пеппер пробирается вперед, огибая

столики, и подкрадывается к буфету. За стеклянными вставками двойных дверей расхаживают полицейские.

— Видишь что-нибудь? — Роуэн присаживается рядом, едва касаясь ее плечом.

Пеппер вытягивает шею, пытаясь рассмотреть кухню.

Там, где обычно пахнет ванильными булочками и жареным картофелем, сейчас развернулась сцена из триллера. На белом кафеле, будто из баллончика, выведен алый символ антивампов — перечеркнутые клыки.

Роуэн принюхивается и сглатывает:

— Пахнет железом, Пеппер.

В Мунридже для каждого ученика-вампира предусмотрена строгая система выдачи крови, чтобы подростки не теряли концентрацию во время уроков. Ее разливают в бутылки из стекла и так развозят по государственным учреждениям, донорским центрам и изредка по кафе с магазинами, если те получили сертификат доверия, как «Клыки & Вафли». На каждой упаковке обязательно напечатан штрихкод с номером партии.

Сейчас десятки бутылей разбиты, под тяжелыми ботинками офицеров хрустят осколки. Роуэн приподнимается с фотоаппаратом в руках. Это риск — в проеме появляется сержант Миллер, и Пеппер тянет Роуэна за рукав.

— ...снова эти фанатики, — доносится голос Миллера. Он брезгливо обходит лужу, стараясь не запачкать форменные брюки. — Не думал, что они зайдут так далеко.

— А может, проделки детей? — откликается второй полицейский, присаживаясь на корточки, и его фигура пропадает из поля зрения.

— Намекаешь на братьев Андервудов?

— Кто ж их знает. Окно-то открыто. Но если они решились, что разгром столовой — эффектный способ заявить о себе, то у них получилось. Весь город на ушах стоит.

— Возможно, ты и прав. — Миллер хмурится. — Хитро свалить все на антивампов. Подростковый бунт?

Внезапно за спиной Пеппер и Роуэна раздаются тяжелые шаги. Пеппер не успевает обернуться, как чья-то рука цепко хватается ее за шиворот и, точно провинившегося котенка, рывком подтягивает вверх.

— Я кому сказал не лезть? — шипит Кит.

В ту же секунду дверь кухни распахивается. Кит успевает спрятать Пеппер за стойку, надавив ей на макушку ладонью. Сердце бешено стучит в висках.

— Эй, Меррик? — выкрикивает Миллер. — Ты чего расшумелся? Напугал.

Кит невозмутимо улыбается:

— Да решил предупредить, что в городском чате пришло сообщение. Миссис Андервуд пишет, что братья нашлись. Оказывается, они поехали к бабушке в Тихий Лис. Так что волонтеры уже расходятся.

Миллер облегченно выдыхает:

— Серьезно? Слава богу. Осталось разобраться с погромом на кухне.

— Может, шутники? — Кит пожимает плечами.

— Если так, Меррик, то с меня сливовое пиво на ярмарке.

— По рукам. А я домой.

— Давай!

Миллер хлопает дверью, возвращаясь к напарнику, и Кит тут же опускает на Пеппер и Роуэна уставший

взгляд. Затем хватает их под руки и почти волоком тащит в темный коридор, подальше от столовой. Роуэн и Пеппер только и остается, что стыдливо притихнуть. Когда они оказываются на безопасном расстоянии, Кит наконец разжимает пальцы и сводит брови к переносице.

— Харт, ты хоть понимаешь, что творишь? Если Хук узнает, чем ты тут промышляешь...

Пеппер вскидывает голову и невинно смотрит на Кита. Если бы в Мунридже ставили «Бэмби», ее бы взяли на главную роль без кастинга. По крайней мере, Пеппер очень хочется в себя верить.

— А Хук узнает?

— Нет, — ворчит Кит, разминая виски. — С тебя купон на скидку в кофейне. Идет?

— Договорились! — Пеппер радостно протягивает ему ладонь.

Они скрепляют уговор коротким рукопожатием. Опустив руку, Пеппер достает телефон и пролистывает сообщения в городском чате. Снова и снова вчитывается в сообщения миссис Андервуд.

— Кит? — Пеппер хмурится. — Ты же тренировал Логана в футбольной секции? И ты помогал ему с программой реабилитации, когда он потянул связки?

— Да... — Кит затихает. — А что?

— Набери ему.

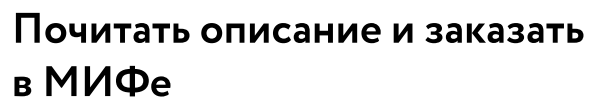
Кит приподнимает бровь:

— Зачем?

— Хочу убедиться.

Кит вздыхает, всем своим видом показывая абсурдность затеи, но нехотя тянется за телефоном. Он листает список контактов, нажимает на вызов и включает громкую связь. Вместо гудков в повисшей тишине

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

